

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Еще о Ф. Ницше

Html- версия: В. Есаулов, июнь 2007 г.

Русский символ параграфа изображен символом §.

Исходный PDF-файл здесь: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/08_Mikhailovsky.pdf

В 1872 году появилось сочинение Фридриха Ницше "Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik", оригинальность которого была, между прочим, отмечена Ланге в "Истории материализма" 1. Затем Ницше опубликовал "Unzeitgemäße Betrachtungen" (1873 -- 1876 г.), "Menschliches, Allzumenschliches", "Morgenröthe", "Die fröhliche Wissenschaft", "Also sprach Zarathustra". Последнее из названных сочинений (за которым следовали еще другие), не без основания считаемое многими главным произведением Ницше, чрезвычайно оригинальное, можно сказать, кричащее по форме и содержанию, появилось первым изданием в 1884 г. Но настолько еще Ницше был в то время неизвестен, что в 13-м издании Энциклопедического словаря Брокгауза его имени нет ни в 12-м томе (1885 г.), где ему следовало бы быть по алфавиту, ни в дополнительном (1887 г.). Мы, русские, услышали о нем настолько поздно, что еще в 1890 г. переводчик "Истории новой философии" Ибервега-Гейнце 2, г. Колубовский в указателе личных имен к названной книге упоминал как двух разных писателей "Ф. Нитче" и "Ф. Ниче". Но уже в 1892 и 1893 г. московский философский журнал "Вопросы философии и психологии" счел нужным в нескольких статьях (гг. Преображенского, Лопатина, Грота, Астафьева) 3 более или менее обстоятельно познакомить читателей с воззрениями Ницше. И, судя по некоторым признакам, статьи эти (в особенности г. Преображенского) возбудили большое внимание. Мало того, как известно читателям "Русского Богатства" из статьи М. А. Протопопова о последнем романе г. Боборыкина 4, этот юркий беллетрист успел уже изобразить русского ницшианца, правда, вкривь и вкось толкующего учение учителя; и может быть, это не вполне изобретение г. Боборыкина, а есть в нем нечто и от подлинной жизни. В фельетоне одной провинциальной газеты ("Минского Листка") я прочитал указание на распространение у нас неправильно понимаемых идей Ницше. Некоторые полученные мною письма ясно говорят о том же. О Европе, в особенности о Германии, нечего и говорить. Цитируемый Максом Нордау ("Entartung") Гуго Каац5 утверждает, что "духовный посев" Ницше дает обильные всходы и что ныне редко можно встретить статьи на философскую тему без упоминания Ницше. Это немножко много; но достоверно, что о недавно еще мало кому известном мыслителе существует уже целая литература, и цитированный г. Протопоповым сотрудник "Вестника Европы" едва ли прав, что идеи Ницше имели (а не имеют?) только succès de surprise.

Ученики Ницше считают его звездой первой величины, а его сочинения "священнейшими из священных книг". С другой стороны, Нордау объявляет его одним из типичных декадентов и просто сумасшедшим. Тот же Нордау не находит достаточно сильных слов для хулы на самое изложение Ницше, тогда как, например, г. Преображенский говорит: афоризмы Ницше "поражают силою и гибкостью своею языка, изумительным мастерством в передаче самых неуловимых и капризных оттенков мыслей и настроений, и изяществом своей формы, то пластической и словно вычеканенной, то звучной и выразительной, как музыка. Книги лучшего периода Ницше -- представляют, конечно, лучшие образцы немецкой прозы, не исключая Гете и Шопенгауэра" *.

* - Сам Ницше, в своем горделивом безумии, объявляет себя "первым из немецких мастеров" в афоризмах, а о "Заратустре" говорит: "Я дал человечеству глубочайшую книгу, какою он только обладает, -- моего "Заратустру". Он прибавляет: "Я дам ему скоро и самую независимую" ("Gotzendämmerung", 1889, S. 129). Под этой "самой независимой" книгой надо, по-видимому, разуметь "Umwertung aller Werthe", первую часть которой Ницше успел написать, но она еще не издана до сих пор (см. предисловие самого Ницше к "Gotzendämmerung" и предисловие издателя ко второму изданию речей Заратустры).

Есть доля правды в этих столь противоположных и слишком категорических мнениях.

Что Ницше кончил душевною болезнью, которая его и прежде посещала, это факт общеизвестный, отражавшийся, конечно, и на изложении, и на самом ходе его мыслей. В сочинениях его, рядом с строго логическим и тонким анализом, можно встретить странные, почти невероятные скачки мысли и даже просто очевидный вздор, точно так же, как рядом с блестящими, художественными страницами -- бессильное, пухлое многословие с неприятно вычурными оборотами речи. Мы не будем приводить здесь образцы того и другого и удовольствуемся теми, какие нам окажутся нужны ниже, при изложении учения